

Российская академия наук
Институт психологии

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ В СИСТЕМЕ КОМПЛЕКСНОГО ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЯ

ЧАСТЬ 2

Ответственные редакторы

А. Л. Журавлев,

В. А. Кольцова

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2012

УДК 159.9
ББК 88
Р 17

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

Редакционная коллегия:

Ю. И. Александров, Н. Г. Артемцева, Т. И. Артемьева, В. А. Барабанщиков, Г. А. Виленская, М. И. Воловикова, Л. Г. Дикая, Т. В. Дробышева, Т. П. Емельянова, А. Л. Журавлев (ответственный редактор), В. А. Кольцова (ответственный редактор), Т. А. Кубрак, Е. А. Никитина, Г. В. Ожиганова, Н. Д. Павлова, Т. А. Ребеко, П. А. Сабодаш, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Б. Н. Тугайбаева (ответственный секретарь), Д. В. Ушаков, Е. В. Харитоновна, Н. Е. Харламенкова, Н. Н. Хашченко, М. А. Холодная, Е. Н. Холондович, А. М. Черноризов, А. В. Юевич

Р 17 Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Часть 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 696 с.

ISBN 978-5-9270-0247-4

УДК 159.9
ББК 88

Данный научный труд в двух частях включает материалы Всероссийской научной конференции, посвященной двум юбилеям – 40-летию создания Института психологии РАН и 85-летию его основателя и первого директора, члена-корреспондента РАН, известного ученого Бориса Федоровича Ломова (1927–1989). Материалы книги, с одной стороны, отражают сложившуюся в настоящее время в современной психологической науке систему основных отраслей, научных направлений и проблем, с другой стороны, преимущественно представляют результаты тех исследований, которые основаны на методологии комплексного человекознания, системном и других интеграционных подходах, разрабатываемых в отечественной психологии. На огромном и разноплановом материале продемонстрирована значимость и продуктивность межпредметных и мультидисциплинарных связей в исследовании сложных и целостных психических явлений. Структура данного труда отражает структуру основных направлений научных разработок, осуществляющихся сегодня в лабораториях Института психологии РАН, и научных школ, исторически сложившихся и активно развивающихся в настоящее время.

Издание подготовлено при финансовой поддержке Президиума РАН и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект 12-06-14206г «Всероссийская юбилейная конференция, посвященная 40-летию ИП РАН и 85-летию Б. Ф. Ломова „Психология в системе комплексного человекознания: история, современное состояние и перспективы развития“»

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2012

ISBN 978-5-9270-0247-4

Т. И. Филиппиди. Подростки с компенсированной затрудненностью психического развития как субъекты общения и социального поведения.	326
--	-----

РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Р. А. Абдулин, Д. М. Рамендик. Проявления карнавалльно-смеховой культуры в Интернете и психологические проблемы пользователей.	330
Д. Р. Айрапетян, А. К. Эбоян. Взаимодействие продавца и покупателя в системе регуляции потребительского поведения	332
А. А. Алексеева, С. Ю. Флоровский. Педагоги общеобразовательных учреждений как субъекты исполнительской деятельности: некоторые структурные и типологические характеристики	335
Т. В. Бескова. Влияние условий семейного воспитания на формирование завистливого отношения	338
М. Н. Болдинова. Объективные критерии успешности деятельности.	341
И. П. Бучкина, П. А. Аверина, Ли Цянь, Чж. В. Вэй. Социальные установки по отношению к разным категориям людей с ограниченными возможностями здоровья в современном обществе	343
Т. С. Вавакина, В. П. Позняков. Исследование отношения к партнерству	345
А. Е. Воробьева, А. Б. Купрейченко. Эмпирическая структура нравственного самоопределения личности	346
К. М. Гайдар. Социально-психологические характеристики групп разного уровня субъектного развития	349
Т. Н. Джумагулова, А. Ф. Джумагулова. Реализация комплексного подхода в развитии управленческих компетенций топ-менеджеров	352
Т. В. Дробышева, М. А. Романовская. Системная детерминация эффектов ранней социализации: образ няни в представлении мамы воспитанника	354
А. Ю. Дроздов. Геополитические ментальные карты как политико-психологический феномен	357
М. А. Дроздова. Особенности эмоционального отношения студенческой молодежи к представителям власти	360
Т. П. Емельянова, А. В. Кузнецова. Образы политической власти в коллективной памяти о российской истории у представителей различных возрастных групп	362
И. И. Кауненко. Психологические проблемы этноидентификационных процессов в модернизирующемся обществе	365
Н. Г. Каунова. Психологические проблемы межгруппового восприятия на примере ромов	367
Т. Л. Крюкова. Когнитивная оценка одиночества и совладание с ним у людей разного возраста	368
А. А. Меланьина. Структура нормативной регуляции группового субъекта.	370
В. П. Позняков, Е. А. Груздева. Социально-психологические факторы ответственного отношения предпринимателей к другим участникам делового взаимодействия (результаты пилотажного исследования)	371
Е. Н. Резников. Саморегуляция русскими своего поведения и деятельности (на примере жителей Костромской области)	373
А. М. Ронч. Совладание с чувством субъективного одиночества в супружеских отношениях.	375
М. В. Сапоровская. Поколения в семье: социально-психологический критерий	377
Н. О. Свешникова. Теоретические основания исследования современных социальных трансформаций	379
В. Л. Ситников. Социально-перцептивные образы и Я-, Ты-концепция	382
Н. П. Смирнова, Е. В. Шабашова. Взаимосвязь представлений об иерархии благосостояния и уровня дохода человека	385
В. А. Соснин. Психология, геополитика и терроризм: современная межнациональная и межконфессиональная ситуация в России.	387
И. Р. Сушков. Социальный обмен в структуре социально-психологических знаний	389
А. В. Сухарев. Архегения и этнофункциональность как базовые принципы психологии	391
С. Ю. Флоровский. Совместная управленческая деятельность руководителей и проблема социально-психологической предикции организационного развития	393
Н. А. Шаталова. О содержании понятия «социальный капитал»	396
Т. В. Эксакусто. Критерии психологической безопасности в условиях поликультурных отношений	398
Т. Б. Юшачкова. Актуальные проблемы понимания людьми друг друга	400
В. П. Позняков. Роль категории психологического отношения в анализе взаимосвязи психического и социального.	402

вию, нацеленному на получение определенного результата, и раскрывают основные стороны общения деловых партнеров. Негативные аспекты (3,70%) – риск, осторожность, проблемы, конфликт, замешательство – занимают 7-ю позицию по количеству упоминаний.

В отличие от «делового партнерства», ассоциации респондентов со словом «партнерство» в более широком смысле несут существенно менее рациональный характер, отражают эмоциональные отношения между людьми – дружбу, братство, любовь. При этом на первое место по частоте упоминаний выходит доверие; большее значение придается также поддержке, содействию, взаимной помощи (3,96%), взаимопониманию (3,79%), честности в отношениях (3,61%) и равноправию партнеров (3,44%).

Перейдем к более детальному рассмотрению собственно «партнерства». Исследование показало, что оно по-разному понимается респондентами, не имеющими непосредственного отношения к сфере бизнеса, и деловыми людьми. Об этом свидетельствуют различия в структуре ассоциаций этих двух групп респондентов. Универсальным является значимость для партнерства такой категории, как «доверие», которое занимает лидирующую позицию для обеих групп (для деловых людей – 8,08% и для остальных – 6,34%). Далее следуют дружба, братство, товарищество и сотрудничество. При этом для деловых людей более выражено сотрудничество (соответственно 5,72% и 5,05%), а для людей, не занятых бизнесом, – дружба, братство, товарищество (соответственно 5,99% и 5,28%). Для деловых людей «партнерство» также ассоциируется с бизнесом (5,05%), договором, контрактом, сделкой (5,05%), выгодой, пользой (4,71%). Для тех респондентов, которые не связаны непосредственно с бизнесом, – это взаимопонимание, понимание (5,28%) и взаимопомощь, поддержка, взаимовыручка, содействие (4,23%).

Анализ полученных результатов позволяет говорить о том, что имеются существенные различия в отношении к «партнерству» и «деловому партнерству». Деловое партнерство более инструментально, нацелено на выгодность взаимодействия, получение дополнительной прибыли, дохода.

Оно характеризуется значимостью таких социально-психологических аспектов взаимодействия, как ответственность и доверие, причем ответственность в данном случае преобладает. Партнерство в более широком смысле ассоциируется с доверием между партнерами, дружбой, братством, товариществом и сотрудничеством. В отличие от делового партнерства, оно более отражает неформальный аспект взаимосвязей между людьми, эмоциональную сторону сотрудничества и взаимоотношений между ними.

Интересно, что отношения к партнерству людей, вовлеченных и не вовлеченных в сферу бизнес-взаимодействий, в деловое партнерство, характеризуются как сходством, так и довольно существенными различиями. Что касается сходства, то результаты исследования наглядно демонстрируют роль доверия между людьми как наиболее важного фактора партнерского взаимодействия. Различия заключаются в том, что люди, не вовлеченные в *деловое партнерство* в сфере бизнеса, рассматривают *партнерство*, прежде всего, как дружбу, товарищество, братство, сопровождающиеся сотрудничеством, взаимопониманием, поддержкой и помощью друг другу. Деловые люди, имеющие опыт *делового партнерства*, более инструментально относятся и к *партнерству* в целом, рассматривая его, прежде всего, как сотрудничество (и дружеское, и в бизнесе), сопровождающееся договорами, контрактами, сделками и нацеленное на получение выгоды, пользы. Кроме того, у деловых людей негативные ассоциации – риск, осторожность, контроль, заговор, обман, скрытый подтекст, сомнение, недоверие, предательство, конфликт, трения, сложности – занимают весьма существенное место (4,04%). У респондентов, не занимающихся бизнесом, данные негативные ассоциации проявились в гораздо меньшей степени (1,76%), что свидетельствует о более позитивном эмоциональном отношении к партнерству в целом.

Таким образом, метод ассоциаций в исследовании отношения к партнерству позволил выявить не только особенности *делового партнерства*, но также специфику отношения к *партнерству* в повседневной жизни деловых людей, имеющих опыт делового партнерства в сфере бизнеса.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НРАВСТВЕННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

А. Е. Воробьева, А. Б. Купрейченко (Москва)

Постановка проблемы

Периоды нестабильности в обществе сопровождаются изменением и неустойчивостью системы ценностей и норм в индивидуальном и группо-

вом сознании. Изменившаяся социальная ситуация вынуждает индивида самоопределяться в новых условиях. Определение структуры самоопределения субъекта позволит выделить базовые,

а также наиболее динамичные элементы самоопределения. Результаты такого анализа откроют возможности для прогнозирования устойчивости или изменчивости самоопределения в различных ситуациях и на отдельных этапах жизни субъекта.

Существует несколько подходов к пониманию структуры феномена самоопределения. Распространенной является модель на основе структуры психологического отношения, включающего когнитивный, эмоциональный и конативный компоненты. Эта 3-компонентная структура может дополняться ценностным, мотивационным, коммуникативным и другими компонентами (Басхаева, 2005; Наумова, 2005; Падалко, 1998; Сафин, Ников, 1984; Угарова, 2004). Мотивационную основу имеет структура самоопределения других авторов (Борисова, 1995; Климов, 1996; Сафин, 1985; Сафин, 2004). Наиболее полный, по нашему мнению, анализ содержания самоопределения проведен М. Р. Гинзбургом, а предложенная им структура самоопределения является детально проработанной. Гинзбург выделяет пространственно-временные и содержательно-смысловые элементы самоопределения. Его модель включает две основные составляющие самоопределения: психологическое настоящее и психологическое будущее (Гинзбург, 1996). Необходимо отметить ряд ограничений данной модели, относящихся, однако, и к прочим моделям самоопределения: отсутствие нравственно-ценностного измерения, отказ от рассмотрения психологического прошлого.

А. Л. Журавлевым и А. Б. Купрейченко был предложен вариант понимания сущности и психологической структуры самоопределения, который, по нашему мнению, подходит для анализа самоопределения развивающегося субъекта как в устойчивых, так и в изменяющихся социальных условиях (Журавлев, Купрейченко, 2007). В этом подходе выделен целый ряд содержательных (процессуальных и результативных), а также формально-динамических характеристик самоопределения. А. Б. Купрейченко и А. С. Моисеевым получены эмпирические результаты, свидетельствующие о взаимосвязи некоторых формально-динамических показателей (в частности, удовлетворенности различными аспектами жизнедеятельности и сферами жизни) с содержательными показателями социального самоопределения (социальными ценностями, отношением к разным формам социальной активности, притязаниями и т. д.) (Купрейченко, Моисеев, 2010).

А. Л. Журавлевым и А. Б. Купрейченко предложена «уровневая модель» структуры самоопределения (Журавлев, Купрейченко, 2007): элементы самоопределения, составляющие ее психологическую структуру, иерархически организованы и образуют два основных уровня – первым, более высоким, уровнем является устойчивый «ценностно-нравственный стержень» субъекта; вто-

рым – подчиненная ему пластичная составляющая самоопределения («оболочка»). Авторами было высказано также предположение о большем числе уровней: кроме упомянутых выше, возможно выделить «ось» (наиболее устойчивое образование в «стержне», выполняющее системообразующую функцию по отношению к его элементам), «переходную зону» между «стержнем» и «оболочкой» и «поверхностный слой» самоопределения (социально желательный или демонстрируемый образ личности, привычный образ жизни, основанный на опыте предыдущих этапов самоопределения, случайные, ситуативные и нетипичные свойства). Данная теоретическая модель нуждается в эмпирической проверке.

Целью настоящего исследования является построение факторной структуры нравственного самоопределения и выявление наиболее значимых взаимосвязей между его элементами.

Программа исследования включала ряд элементов нравственного самоопределения, который в ходе теоретического анализа был признан оптимальным (Воробьева, 2010; Купрейченко, 2010). В этом ряду были представлены следующие составляющие нравственного самоопределения: *представления о нравственности и нравственные ориентации*, которые в ходе теоретического анализа были предположительно отнесены к «стержню» самоопределения, а также *нравственные стратегии*, которые рассматривались как элемент «оболочки» самоопределения. Указанные элементы нравственного самоопределения изучались при помощи авторского опросника «Нравственное самоопределение личности» (Воробьева, 2010; Купрейченко, 2010).

Выборку исследования составила молодежь в возрасте 18–35 лет (337 чел.).

Результаты исследования

В ходе исследования был проведен факторный анализ по методу главных компонент (вращение Varimax) и получена 4-факторная структура.

Первый фактор – «*нравственная активность*». В него входят такие показатели нравственности, как сила личности; эмоциональный компонент обязанности соблюдения нравственных норм; когнитивный компонент активности нравственного поведения; эмоциональный компонент активности нравственного поведения; конативный компонент активности нравственного поведения; гуманистическая ориентация; мирозидательная ориентация.

Второй фактор – «*взаимность нравственного поведения*». В него входят конативный компонент обязанности соблюдения нравственных норм; когнитивный компонент взаимности нравственного поведения; эмоциональный компонент взаимности нравственного поведения; конативный

компонент взаимности нравственного поведения; группоцентрическая ориентация. Анализ этого фактора показывает, что группоцентрическая ориентация устойчиво связана со стратегией взаимности на когнитивном, эмоциональном, конативном уровнях, а также со стратегией необязательности соблюдения нравственных норм на конативном уровне. Это эмпирическое проявление «закона талиона» – одного из механизмов клановой морали, сохранившегося по сей день (Гусейнов, 1964; Философия и этика, 2009).

Третий фактор – «нравственно-мировоззренческие убеждения». В него входят значимость морали для общества, природа нравственности личности (представление о внутреннем или внешнем происхождении нравственности личности).

Четвертый фактор – «нравственно-нормативные убеждения». В него входят такие показатели, как происхождение нравственности как явления (естественное или искусственное); абсолютность/относительность нравственности; существование воздаяния за добро и зло; когнитивный компонент обязательности соблюдения нравственных норм; эгоцентрическая ориентация.

Сопоставление результатов факторного анализа с концептуальными представлениями показало, что в фактор «нравственно-мировоззренческие убеждения» вошли элементы, которые в ходе теоретического анализа мы рассматривали в качестве «стержня» нравственного самоопределения. В остальных факторах смешаны элементы, отнесенные в теоретической модели и к «стержню», и к «оболочке». Это, во-первых, говорит о существовании тесной связи между элементами, отнесенными к этим двум основным уровням, во-вторых, позволяет предположить, что в молодом возрасте «ценностно-нравственный стержень» представляет собой достаточно аморфное, несформированное нравственно-психологическое образование. По нашему мнению, именно это иллюстрируется полученными данными. С возрастом количество входящих в «стержень» смыслов, ценностей и притязаний будет возрастать (это косвенно подтверждается данными ряда исследований (Рогов, 1999; Фоломеева, 2005), число связей между ними увеличится, «стержень» станет, образно говоря, более «плотным».

В целом, в соответствии с нашими концептуальными положениями и в результате эмпирического исследования, два фактора – «нравственно-мировоззренческие убеждения» и «нравственно-нормативные убеждения» – могут рассматриваться как «стержень» нравственного самоопределения, а два других – «нравственная активность» и «взаимность нравственного поведения» – как содержащие элементы и стержня, и оболочки.

Интересным фактом является невыраженность в эмпирической факторной структуре влияния

нравственных ориентаций. Объяснением может выступать тот факт, что нравственные ориентации оказывают значимое воздействие на очень многие компоненты нравственного самоопределения, и это влияние «рассеивается» одновременно по многим факторам. Каждая из ориентаций имеет значительные нагрузки, как минимум, по двум факторам.

На основании факторного анализа установлено, что в структуре нравственного самоопределения имеются наиболее значимые элементы, тесно связанные с другими, которые могут быть отнесены к «стержню» самоопределения. Такими элементами выступают нравственные ориентации, а также базовые нравственные убеждения, эмоции и готовность к разным формам активности. В то же время удалось выявить некоторые зоны самоопределения, в которых объединены элементы определенного функционального назначения, например, связанные с активностью личности или принципами поведения. В этих зонах присутствуют как элементы «оболочки» (правила поведения), так и элементы «стержня» (нравственные ориентации и базовые убеждения, эмоции и готовность к разным формам активности).

Литература

Басхаева И. И. Психологические детерминанты профессионального самоопределения студентов педагогического колледжа: Дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2005.

Борисова Е. М. Профессиональное самоопределение: личностный аспект: Дис. ... докт. психол. наук. М., 1995.

Воробьева А. Е. Личностные и групповые факторы нравственного самоопределения молодежи: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.

Гинзбург М. Р. Психология личностного самоопределения. Дис. ... докт. психол. наук. М., 1996.

Гусейнов А. А. Проблема происхождения нравственности (на материале развития института кровной мести) // Философские науки. 1964. № 3. С. 57–67.

Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. М., 2007.

Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. Ростов-на-Дону, 1996.

Купрейченко А. Б. Нравственно-психологическая детерминация экономического самоопределения личности и группы: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2010.

Купрейченко А. Б., Моисеев А. С. Взаимосвязь социальных ценностей и стратегий как элементов социального самоопределения // Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. М., 2010. С. 332–333.

Наумова Л. А. Психологические закономерности динамики профессионального самоопределения студентов (на примере инженерных специальностей): Дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2005.

Падалко О. В. Профессиональное самоопределение молодого специалиста с высшим образованием в современном российском обществе: Дис. ... канд. соц. наук. СПб., 1998.

Рогов М. Г. Ценности и мотивы личности в системе непрерывного профессионального образования: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Ярославль, 1999.

Сафин В. Ф. К проблеме профессионального самоопределения личности и ее активности // Вопросы самоопределения личности и ее активности. Уфа, 1985.

Сафин В. Ф. Самоопределение личности: теоретические и эмпирические аспекты исследования. Уфа, 2004.

Сафин В. Ф., Ников Г. П. Психологический аспект самоопределения личности // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 4. С. 65–73.

Угарова М. Г. Проблема структуры профессионального самоопределения в трудах российских психологов // Социальная психология XXI столетия. Т. 2. Ярославль, 2004. С. 320–324.

Философия и этика: Сборник трудов. К 70-летию академика А. А. Гусейнова. М., 2009.

Фоломеева Т. В. Экономические ценности в структуре социальных представлений о благополучии разных возрастных групп // Проблемы экономической психологии. Т. 2. М., 2005. С. 433–475.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГРУПП РАЗНОГО УРОВНЯ СУБЪЕКТНОГО РАЗВИТИЯ

К. М. Гайдар (Воронеж)

Уровни развития группового субъекта

Анализ теоретических представлений о малой группе, результатов эмпирических исследований, проведенных в социальной психологии, а также существующей практики психологической работы с различными группами (учебными, производственными, творческими, спортивными и другими) позволяют выявить следующие противоречия:

- между потребностями современного общества в эффективных группах, являющихся целостными субъектами, готовыми и способными к самостоятельной продуктивной деятельности и другим видам совместной активности, ответственному поведению, в том числе межгрупповому, инициативной постановке целей и задач, выработке ценностей и норм, творческой самореализации и развитию, осознанию своей целостности, особенностей и ресурсов, с одной стороны, и недостаточной изученностью социально-психологических особенностей таких групп в психологической науке, с другой стороны;
- между потребностями социальной психологии в дальнейшей разработке теории групп, в том числе малых, с учетом современных социальных условий, необходимостью быть готовой отвечать на запросы общества по объяснению социально-психологических процессов, относящихся к групповым формам жизни людей, и по психологическому сопровождению функционирования и развития групп как субъектов, с одной стороны, и недостаточностью научной рефлексии имеющихся в социальной психологии

теоретико-методологических подходов к изучению группы, отсутствием единого общепризнанного подхода, который может составить основу субъектной концепции группы, позволяющей давать адекватную интерпретацию новым, эмпирически выявляемым групповым феноменам, строить модели разных сторон жизнедеятельности группового субъекта, научно обосновывать специальные программы субъектного развития групп, с другой стороны;

- между потребностью группы сохранять свою целостность и устойчивость для успешного функционирования, с одной стороны, и необходимостью осуществлять самоизменения, позволяющие продвигаться вперед в границах своей целостности, развивать свою субъектность как предпосылку групповой продуктивности и эффективности субъектного развития членов группы, с другой стороны.

Один из путей разрешения указанных противоречий – разработка субъектного подхода к изучению малой группы, придания ей статуса *группового субъекта*. Можно констатировать, что в настоящее время происходит становление субъектного подхода в отечественной социальной психологии групп.

Анализ показывает весьма мозаичную картину, демонстрирующую широкий спектр представлений современных психологов о групповом субъекте. Многообразии взглядов указывает на то, что существование группового субъекта, как особой социально-психологической реальности, сегодня признается многими учеными. Вместе с тем оно является индикатором отсутствия единой концеп-